

Московская Духовная Академія въ 1891 году.

„Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!“ Эти привѣтственные слова, такъ обычныя въ устахъ людей, встрѣчающихся другъ съ другомъ въ началѣ каждаго Января, большею частію произносятся просто по привычкѣ и совсѣмъ не означаютъ того, чтобы люди, ихъ произносящіе, соединяли съ ними какой-либо особенный смыслъ и дѣйствительно имѣли достаточныя основанія ожидать отъ своего новаго года и „новаго“ счастья. Не такъ было перваго января минувшаго 1891 года, когда мы, принадлежащіе такъ или иначе къ составу Московской духовной академіи, встрѣчались и пожимали руку другъ другу; мы надѣялись, что нашъ новый годъ принесетъ намъ дѣйствительно „новое“ счастье, ибо къ намъ уже ѣхалъ нашъ новый глава, только что назначенный указомъ Святѣйшаго Синода на должность ректора нашей академіи, архимандритъ Антоній. — Во всякой корпораціи дружная и единопдушная работа всѣхъ ся членовъ составляетъ, какъ извѣстно, одно изъ самыхъ существеннѣйшихъ условій ея правильной и плодотворной дѣятельности.

„Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ“,

„На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ“,

„И выйдетъ изъ него, не дѣло, только мука“.

Правда, пожаловаться на недостатокъ единопущія въ своей товарищеской средѣ мы не имѣли никакихъ основаній; напротивъ, Московская академія, по самому своему положенію въ маленькомъ посадѣ, поставлена въ этомъ отношеніи въ наиболѣе благопріятныя условія. Ея корпорація свободная отъ неизбѣжныхъ въ большомъ городѣ разбрасывающихъ и разъединяющихъ вліяній, всегда составляла и составляетъ

изъ себя тѣсно-сдоченный кружокъ. Но этого, конечно, еще не достаточно для того, чтобы обезпечить внутренней жизни учрежденія ея правильный ходъ; прежде всего и, пожалуй, болѣе всего нужно единеніе членовъ съ ихъ главою. Понятно, съ какимъ напряженнымъ интересомъ ожидала Московская академія пріѣзда своего новаго главы.

Архимандритъ Антоній, въ мѣрѣ Алексѣй Павловичъ Храповицкій, — воспитанникъ С.-Петербургской пятой гимназіи, по окончаніи курса въ которой съ золотою медалью, поступилъ въ число студентовъ С.-Петербургской духовной академіи. Въ 1885-мъ году окончивъ полный курсъ наукъ академіи и уже принявъ монашество, онъ поступилъ на службу по духовно-учебному вѣдомству и въ продолженіи пяти лѣтъ послѣдовательно проходилъ должности: помощника инспектора академіи, преподавателя Холмской духовной семинаріи, доцента С.-Петербургской академіи и ректора С.-Петербургской семинаріи. Въ 1888-мъ году, послѣ публичной защиты диссертациіи подъ заглавіемъ: „Психологическія данныя въ пользу свободы воли и нравственной отвѣтственности“, онъ получилъ ученую степень магистра богословія; въ 1890-мъ году возведенъ въ санъ архимандрита, а 2-го января 1891-го года прибылъ въ Сергіевъ посадъ въ качествѣ ректора Московской духовной академіи. — Въ день Богоявленія новый ректоръ академіи совершилъ въ академическомъ храмѣ Божественную литургію, по окончаніи которой обратился къ собравшимся густою толпой преподавателямъ и студентамъ съ своимъ первымъ словомъ. „Возлюбленные братья!“ говорилъ онъ. „Конечно, вы ожидаете отъ меня, какъ отъ новаго пришельца въ вашу академическую семью, ожидаете исповѣданія тѣхъ духовныхъ побужденій, коими я, по долгу своего званія, памѣренъ привлекать васъ къ общему дружному и одушевленному продолженію того служенія богословской наукѣ и пастырству, которое Московская академія исполняетъ съ такою честью уже болѣе двухъ вѣковъ“. Въ церковномъ торжествѣ праздника Богоявленія проповѣдникъ, между прочимъ, и указалъ далѣе отвѣтъ на эти ожиданія. „Церковь торжествуетъ“, говоритъ онъ, „а главное содержаніе ея торжества составляетъ то, что нынѣ Господь открылъ новое и невѣдомое естественному міру начало, которымъ Онъ дѣйствуетъ въ

жизни: начало это есть *смирение*, — смирение и самоотречение, по которому „крещение приѣмлетъ не вѣдый грѣха“... „О братіе“, заключилъ онъ свое слово, „примите же не отъ меня, но отъ другаго сегодняшняго Гостя Небесъ эту заповѣдь для построенія своихъ жизненныхъ предначертаній и, вмѣсто послѣдняго слова мірской культуры изъ шумной сѣверной столицы, примите и меня съ этимъ глаголомъ благодати. Усмотримъ въ духовномъ значеніи сегодняшняго праздника Церкви указаніе Господне о томъ, какъ построить и жизнь нашей академической семьи и вашу дальѣйшую общественную дѣятельность. Отринемъ идоловъ естественнаго міра и возлюбимъ Новый завѣтъ благодати! Возьмемъ Христово смиреніе какъ неложный свѣточъ для нашего служенія Ему и людямъ и будемъ твердо вѣрить, что по мѣрѣ такого усвоенія Христовой жизни, — и никакимъ инымъ способомъ, намъ суждено будетъ вносить всюду ту духовную радость, то духовное оживленіе, котораго тщетно добывается міръ“... — Прошло почти полтора мѣсяца, 17-го фѣвраля Арх. Антоній пожелалъ ознаменовать братскою трапезой обычный праздникъ воспитавшей его С.-Петербургской академіи и вотъ что на этомъ задушевномъ пиру говорилъ ему, между прочимъ, одинъ изъ профессоровъ въ своей рѣчи: „Легко теперь и весело у насъ на сердцѣ! Теперь мы чувствуемъ себя вполне единою семьей и видимъ въ этомъ прочный залогъ успѣха при осуществленіи тѣхъ высокихъ задачъ, которымъ служила и служить духовная академія. Глубокое, сердечное спасибо Вамъ, многоуважаемый о. Ректоръ, за то, что Вы такъ тепло, такъ душевно протягиваете намъ руку, приглашая къ единоподушной вмѣстѣ съ Вами жизни и работѣ. Съ чувствомъ глубокой признательности встрѣчаемъ мы ее и съ искреннею молитвой, да благословитъ Господь полнымъ успѣхомъ Вашу дѣятельность на пользу Святой Церкви и благо дорогой намъ Академіи!“ — Въ каждый большой праздникъ академическая семья неизмѣнно стала слышать въ своемъ храмѣ краснорѣчивое слово ректора, все болѣе и болѣе выяснявшее сущность его религіозно-нравственныхъ и общественныхъ воззрѣній, а послѣ литургіи, вспомнивъ добрый старый обычай, существовавшій нѣкогда въ Московской академіи, вся ея корпорація собиралась въ ректорской квар-

тирѣ и за чашкою чая вела задушевную бесѣду о текущихъ вопросахъ и интересахъ академической жизни. Новый ректоръ сталъ добрымъ членомъ академической семьи и подъ его благожелательнымъ руководствомъ мирно потекла жизнь академіи при полномъ единодушіи и взаимномъ довѣріи между ея членами и ихъ главою.

Дѣятельность академіи, какъ ученаго учреждения, выражается прежде всего въ тѣхъ научныхъ трудахъ, какіе выходятъ изъ нея, или подъ ея руководствомъ и вліяніемъ. Первое мѣсто въ этомъ случаѣ, конечно, должно быть отведено тѣмъ ученымъ произведениямъ, которыя представляются на академическій судъ и рассматриваются въ качествѣ диссертаций на ученые богословскія степени. Въ февралѣ минувшаго года получилъ отъ Святейшаго Синода утвержденіе въ степени доктора богословія профессоръ академіи П. И. Цвѣтковъ. Его сочиненіе подъ заглавіемъ: „Аврелій Пруденцій Клементъ“ представляетъ собою обширную монографію объ этомъ замѣчательномъ христіанскомъ поэтѣ, рассматривающую свой предметъ съ такою полнотою, что не забыта въ немъ ни одна сторона, достойная научнаго вниманія. Основывая на долговременномъ и тщательномъ изученіи произведеній Пруденція и всей обширной западной литературы о немъ, книга пр. Цвѣткова даетъ читателю, кромѣ вступительныхъ свѣдѣній, біографію поэта, подробный обзоръ его сочиненій и приведенное въ систему его догматическое и нравственное ученіе съ указаніемъ отношеній Пруденція къ предшествовавшимъ ему церковнымъ писателямъ и древнимъ класикамъ. Авторъ выставляетъ Пруденція типичнымъ выразителемъ того вѣросознанія, какое господствовало въ современномъ ему образованномъ свѣтскомъ обществѣ, а потому его изслѣдованіе, не имѣющее себѣ предшественниковъ въ русской научной литературѣ, получаетъ серьезный церковно-историческій интересъ. — Въ минувшемъ-же году рассмотрѣна совѣтомъ академіи и одобрена въ качествѣ диссертации на степень доктора церковной исторіи книга проф. Н. О. Каптерева: „Сношенія Іерусалимскаго патріарха Досіоея съ Русскимъ правительствомъ“. Личность этого патріарха, какъ весьма важнаго дѣятеля въ исторіи восточной церкви XVII—XVIII в., представляетъ собою крупное явленіе. Авторъ въ своей книгѣ изобразилъ

общій характеръ его отношеній къ Россіи, подробно описалъ его участіе въ дѣлѣ патріарха Пикона и въ дѣлѣ подчиненія кievской митрополии московскому патріарху, его заботы о предохраненіи русской церкви и общества отъ вліянія латинства и объ іерархическомъ устройствѣ русской церкви, политическія заслуги, оказанныя имъ московскому государству въ его сношеніяхъ съ Турціей и православнымъ востокомъ, и наконецъ его усилія при содѣйствіи русскаго правительства возвратить Грекамъ отнятыя у нихъ католиками святыя мѣста. — Трудъ проф. Каптерева основанъ почти исключительно на архивныхъ, рукописныхъ документахъ, часто бывшихъ доселѣ неизвѣстными въ наукѣ; онъ сообщаетъ много новыхъ свѣдѣній и вноситъ иногда существенныя поправки въ установившіяся доселѣ научныя воззрѣнія; касаясь-же такой области, которая до сихъ поръ оставалась почти неизслѣдованною, а, между тѣмъ, имѣетъ весьма важное значеніе для православнаго историка-богослова, онъ пополняетъ одинъ изъ пробѣловъ, существенно-замѣтныхъ въ нашей церковно-исторической наукѣ. — Въ концѣ минувшаго года представлена еще на разсмотрѣніе совѣта докторская диссертация доцента М. Д. Муретова подъ заглавіемъ: „Ветхозавѣтный храмъ“. Эта книга, при всей своей обширности (болѣе 500 страницъ) составляетъ лишь первую часть предполагаемаго авторомъ труда, который, въ своемъ полномъ видѣ, долженъ будетъ разрѣшить одну изъ труднѣйшихъ апологетическихъ задачъ, встрѣчающихся изслѣдователю Поваго Завѣта, а именно доказать подлинность посланія Ап. Павла къ Евреямъ. Однимъ изъ главныхъ возраженій противъ подлинности этого посланія служить заключающееся въ 9-й главѣ описаніе ковчега завѣта и ветхозавѣтнаго храма, несходное съ обычными, оспованными на изученіи источниковъ, представленіями объ ихъ устройствѣ. Послѣ тщательнаго изученія своего предмета въ показаніяхъ Библии, Іосифа Флавія и Талмуда, послѣ путешествія въ Палестину и личнаго ознакомленія съ топографическою обстановкой храма, авторъ пришелъ къ заключенію, что „разрозненные, неполныя и повидимому противорѣчивыя“ даты первоисточниковъ могутъ быть соединены „въ стройный и цѣлостный образъ ветхозавѣтнаго храма и притомъ такой образъ, который, обобщая и собирая въ себѣ

всѣ показанія авторитетныхъ источниковъ, вполнѣ соответствуютъ и датамъ посланія къ Евреямъ“. Обширная книга Г. Муретова, кромѣ введенія, трактующаго объ источникахъ и методѣ изслѣдованія, и помѣщенныхъ въ концѣ прибавленій, состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ авторъ изслѣдуетъ Синайскій храмъ (скинію Моисея), а во второмъ — храмъ Соломона.

Мы не станемъ утомлять вниманіе читателей перечисленіемъ менѣе крупныхъ изданій и многочисленныхъ журнальныхъ статей, въ которыхъ выражалась въ минувшемъ году научная дѣятельность академической корпораціи, ибо такое перечисленіе ежегодно печатается въ официальныхъ отчетахъ. Упомянемъ лучше о тѣхъ публичныхъ ученыхъ бесѣдахъ, которыя происходили въ стѣнахъ академіи, такъ какъ содержаніе этихъ бесѣдъ рѣдко въ свое время доводилось до свѣденія читающей публики. — По дѣйствующему нынѣ академическому уставу, ищущій степени магистра богословія обязанъ защищать свою печатную диссертацию въ присутствіи совѣта и приглашенныхъ стороннихъ лицъ. Въ продолженіи минувшаго года въ актовомъ залѣ академіи состоялось восемь такихъ диспутовъ или коллоквиумовъ. Слишкомъ много потребовалось-бы мѣста для нашего обзора, если-бы мы стали излагать въ подробности весь ходъ этихъ ученыхъ бесѣдъ, а потому мы ограничимся лишь краткимъ указаніемъ на тѣ наиболѣе существенные пункты, которые выставлены были диспутантамъ на видъ ихъ оппонентами, и на которыхъ по преимуществу останавливалось вниманіе бесѣдовавшихъ. — На диспутѣ г. Гурьева, 5-го февраля, по поводу его диссертации „*Θεοδότης*, Епископъ Мопсуестскій“, проф. А. П. Лебедевъ указалъ диспутанту: 1) нѣкоторыя пробѣлы въ знакомствѣ его съ литературою своего предмета. Авторъ книги не обратилъ вниманія на нѣкоторыя статьи нѣмецкихъ богословскихъ журналовъ, имѣющія значеніе для изслѣдованія избраннаго имъ вопроса, а именно на статьи Нестле, Бактгена и Марольда. 2) Если у *Θεοδότη* Мопсуестскаго было такъ много заблужденій, то почему церковь въ свое время не подвергла его осужденію? Въ разъясненіе этого интереснаго, но не затронутаго авторомъ книги вопроса, проф. Лебедевъ указалъ на снисходительное вообще отношеніе церкви того времени къ за-

блужденіямъ, возможнымъ иногда при изслѣдованіи вопросовъ христіанскаго ученія, ссылаясь, между прочимъ на слова бл. Іеронима, который говорилъ: „если кто-либо изъ желанія лучшаго скажетъ что-либо вопреки смыслу Писанія, то сильный (умный) можетъ искупить свою ошибку заслугой“. 3) Оппонентъ выразилъ сомнѣніе по поводу того объясненія понятій „теорія“ и „аллегорія“, какое сдѣлалъ диспутантъ въ своей книгѣ. Онъ указалъ ему на статью Кина, гдѣ собрано много данныхъ для разъясненія этого вопроса, и откуда ясно, что вопросъ этотъ далеко не разрѣшается такъ просто, какъ это сдѣлалъ диспутантъ. 4) По поводу обвиненій, выставляемыхъ противъ Θεодора Мопсуестскаго, проф. Лебедевъ замѣтилъ, что можно, кажется, эти обвиненія въ значительной степени ослабить тѣми соображеніями, что: а) выраженія, приписываемыя Θεодору, заимствуются у его полемистовъ, а потому не всегда можно быть увѣреннымъ въ ихъ подлинности и не всегда даже смыслъ ихъ оказывается вполне яснымъ; б) Θεодоръ подчинялся вліянію Аристотеля, авторитетъ котораго въ то время былъ господствующимъ, в) при двухъ естествахъ во Христѣ онъ признавалъ „единое дѣйствіе“. — Второй оппонентъ г. Гурьева, проф. П. И. Цвѣтковъ указалъ диспутанту, что 1) онъ недостаточно справедливо относится къ александрійской школѣ христіанскаго богословія, слишкомъ унижая ея значеніе. Онъ опустилъ изъ вида то обстоятельство, что именно эта школа, въ противоположность рационализму школы антиохійской, высоко держала принципъ вѣры, а въ дѣлѣ толкованія священн. Писанія она, въ лицѣ Оригена, дала развитіе направленію филологическому, въ чемъ антиохійская школа была лишь продолжательницею александрійской. 2) Сосредоточивая свое вниманіе на личности Θεодора Мопсуестскаго, диспутантъ въ своей книгѣ, какъ это часто бываетъ, оказывается нѣсколько пристрастнымъ къ предмету своего изслѣдованія. Онъ усиленно выставляетъ на видъ все то, что можетъ служить ему въ похвалу, и, наоборотъ, какъ будто намѣренно замалчиваетъ то, что налагаетъ на него какую-либо тѣнь и можетъ служить поводомъ къ упреку. 3) Авторъ книги не обратилъ достаточнаго вниманія на близость Θεодора Мопсуестскаго съ Пелагіемъ и не поста-

рался выяснитъ взаимнаго отношенія между ними, что представляло-бы существенный интересъ.

На диспутѣ Г. Дородницына, 23-го февраля, по поводу его диссертаци: „церковно-законодательная дѣятельность Карла Великаго“, профессоръ П. О. Каптеревъ указалъ диспутанту 1) на противорѣчье, замѣтное въ его характеристикѣ церковно-законодательной дѣятельности Карла. Съ одной стороны онъ утверждаетъ, что Карлъ не создалъ чего-либо новаго, а былъ лишь проводникомъ въ церковную жизнь ученія Г. Христа и Апостоловъ и постановленій вселенскихъ и др. соборовъ; но въ то-же время представляетъ рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о властномъ и самовольномъ вмѣшательствѣ Карла въ церковное управленіе, богослуженіе и даже вѣроученіе, — вмѣшательствѣ, которое прямо противорѣчило духу и порядкамъ древне-христіанской церкви. 2) Оппонентъ упрекнулъ автора за то, что онъ не опредѣлилъ отношенія Карла В., какъ законодателя по церковнымъ дѣламъ, къ его предшественникамъ императорамъ Византійскимъ, при чемъ его дѣятельность получила-бы надлежащее историческое освѣщеніе. 3) Оппонентъ замѣтилъ, что у автора не выяснено значеніе въ церковно-законодательной дѣятельности Карла факта принятія имъ императорской короны и вообще не указано въ этой дѣятельности признаковъ какого-либо развитія. 4) Оппонентъ поставилъ диспутанту на видъ, что у него совершенно оставленъ въ сторонѣ вопросъ: была-ли церковно-законодательная дѣятельность Карла результатомъ только его личныхъ усилій, или онъ пользовался при этомъ чьимъ либо содѣйствіемъ и стоялъ въ большей или меньшей степени подъ чьимъ-либо вліяніемъ.

Второй оппонентъ г. Дородницына, проф. В. А. Соколовъ 1) замѣтилъ диспутанту, что онъ въ своей книгѣ изображаетъ не столько церковно-законодательную дѣятельность Карла, сколько состояніе церкви въ его время, такъ какъ въ его изложеніи находятъ себѣ мѣсто напр.: постановленія соборовъ, посланіе Епископа Гервальда къ клиру и т. д., а личная дѣятельность Карла не поставлена надлежащимъ образомъ въ связь съ его теоретическими воззрѣніями. 2) Въ общемъ обзорѣ, какимъ представляется первая глава изслѣдованія, многое оказывается не доказан-

нымъ и часто недостовернымъ, какъ напр.: характеристика Лангобардовъ конца 8-го и начала 9-го вѣка, какъ дикихъ варваровъ, или разсказъ о посольствѣ Карла къ императрицѣ Риппѣ въ Константинополь съ предложеніемъ брачнаго союза, — разсказъ сомнительный самъ по себѣ, а въ изложеніи автора страдающій нѣкоторыми внутренними и хронологическими несообразностями. 3) Наконецъ оппонентъ представилъ диспутанту рядъ замѣчаній и поправокъ, касавшихся разныхъ фактическихъ несточностей и ошибокъ, допущенныхъ въ книгѣ, какъ напр.: относительно мозаического изображенія въ Латеранскомъ триклиніи, хронологической послѣдовательности въ событіяхъ вѣдшей и внутренней государственной дѣятельности Карла, процедуры избранія и рукоположенія епископовъ въ эпоху Карла и т. д.

На диспутѣ Г. Введенскаго, 29-го апрѣля, по поводу его диссертаци: „Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія“, инспекторъ академіи, бывшій ректоръ Виенской семинаріи, архимандритъ Антоній замѣтилъ во 1): нѣкоторыя выраженія въ книгѣ автора, по видимому, приводятъ къ мысли, что онъ признаетъ возможнымъ даже для падшаго человѣка придти къ вѣрѣ въ Бога живаго, личнаго и премоірнаго, помимо сверхъестественнаго откровенія Божія. Между тѣмъ, по ученію православной церкви, такое богопознаніе для падшаго человѣка невозможно и съ его признаніемъ все ветхозавѣтное Богооткровенное ученіе о Богѣ нельзя уже считать безусловно необходимымъ для достиженія падшимъ человѣкомъ Богопознанія. 2) Оппонентъ указалъ автору на нѣкоторое противорѣчіе въ его книгѣ: въ однихъ мѣстахъ ея онъ говоритъ, что даже доисторическая вѣра есть фактъ, подлежащій строго методическому изученію различныхъ отраслей современной науки, а въ другихъ утверждаетъ, что начало религіознаго процесса лежитъ за порогомъ исторіи и его приходится строить мысленно, ибо нельзя основать на фактахъ. 3) Желая доказать монотеистическій характеръ древнѣйшихъ религій, авторъ указываетъ иногда на употребленіе въ единственномъ числѣ того термина, который означаетъ „Божество“. По мнѣнію оппонента, такое указаніе не имѣетъ силы доказательства въ томъ случаѣ, когда терминъ, означающій понятіе „Боже-ства“, имѣетъ предикативный характеръ и принадлежитъ

къ существительнымъ нарицательнымъ. 4) Авторъ по мнѣнію оппонента, справедливо утверждаетъ, что на теорію развитія (эволюціи) религиозныхъ вѣрованій челоѳчества слѣдуетъ смотрѣть не какъ на исторію, а лишь какъ на отвлеченную формулу или гипотезу и ошибочно было-бы пользоваться ею, какъ ключемъ къ пониманію дѣйствительнаго историческаго хода жизни челоѳчества. Между тѣмъ, авторъ безъ критическаго разбора слѣдуетъ выводамъ М. Мюллера единственно изъ уваженія къ его высокому научному авторитету.

Второй оппонентъ Г. Введенскаго, проф. В. Д. Кудрявцевъ замѣтилъ диспутанту, что 1) при обзорѣ различныхъ теорій по вопросу о происхожденіи религіи, онъ въ своей книгѣ допустилъ пробѣлъ, оставивъ безъ вниманія представителей новѣйшаго теизма: Зенглера, Фихте младшаго и Ульрици, а Фризь, Шлейермахеръ и Лотце, по мнѣнію оппонента, заслуживали-бы больше вниманія, чѣмъ сколько удѣлено имъ авторомъ. 2) Критическій элементъ въ сочиненіи Введенскаго кажется проф. Кудрявцеву нѣсколько недостаточнымъ. Въ особенности, критическое обзорѣніе ученія о естественномъ богопознаніи римско-католическихъ философовъ и защитниковъ интуитивной теоріи богопознанія не отличается въ изложеніи автора ни особенною полнотою, ни ясностью. 3) Накопецъ, оппонентъ указалъ на выдающееся несоотвѣтствіе между историко-критическою и положительною стороною сочиненія. Можно было ожидать, что положительная сторона будетъ стоять въ книгѣ на первомъ планѣ, будетъ раскрыта съ такою-же обстоятельностью и подробностію, какъ и историко-критическая. Но на самомъ дѣлѣ она занимаетъ въ сочиненіи очень незначительное мѣсто, составляя лишь одну небольшую главу третьяго отдѣла. Проф. Кудрявцевъ желалъ-бы, чтобы авторъ объединилъ и изложилъ результаты своей исторической критики съ большею полнотою и ясностію и развилъ свое положительное ученіе съ меньшею зависимостію отъ этихъ результатовъ.

На диспутѣ Г. Глубоковскаго, 5-го мая, по поводу его диссертациі: „Блаженный Θεодоритъ, епископъ Киррскій. Его жизнь и литературная дѣятельность“, профессоръ Н. И. Субботинъ во 1) призналъ недостаточно убѣдительными

тѣ доводы, на которыхъ диспутантъ основываетъ свое воззрѣніе, что „несторіанство Θεодорита — фактъ недоказанный и даже недоказуемый“. Оппонентъ замѣтилъ, что Θεодоритъ считалъ Несторія „невинно пострадавшимъ“, а лицъ, осудившихъ его, долженствующими „покаяться въ своихъ заблужденіяхъ“. Даже въ позднѣйшее время онъ заявлялъ: „на несправедливое и противозаконное осужденіе святѣйшаго и боголюбезнѣйшаго Несторія мы рѣшили не соглашаться ни рукою, ни языкомъ, ни умомъ“. Приводя далѣе нѣкоторыя выдержки изъ сочиненій бл. Θεодорита, проф. Субботинъ показалъ, что въ самомъ его ученіи о соединеніи естествъ во Христѣ ясно выражается смыслъ несторіанскій. 2) Диспутантъ представилъ въ своей книгѣ попытку разрѣшить вопросъ: почему подложное сочиненіе о двуперстїи усвоено именно Θεодориту, а не какому нибудь другому изъ извѣстныхъ на Руси и славныхъ пастырей древней восточной церкви? Выставляя на видъ неправдоподобность и ненаучность представленнаго диспутантомъ рѣшенія этого вопроса, проф. Субботинъ показалъ, что а) подлинное Θεодоритово толкованіе 4-го стиха 22-го псалма, помѣщенное въ сборникѣ митрополита Даниїла рядомъ съ такъ называемымъ Θεодоритовымъ словомъ, и будто-бы принятое Даниїломъ въ смыслѣ свидѣтельства о двуперстїи, говоритъ лишь о четырехкопечномъ крестѣ, „слагаемомъ отъ двухъ палицъ“, а совсѣмъ не о двуперстїи; и что б) митрополитъ Даниїль не могъ принимать и не принималъ этого толкованія въ смыслѣ свидѣтельства о двуперстїи.

Второй оппонентъ Г. Глубоковскаго, проф. А. П. Лебедевъ, замѣтилъ диспутанту, что хронологія составляетъ слабую сторону его труда, причемъ указалъ а) на то, что въ книгѣ не указана и оставлена невыясненною хронологія правленія антиохійскихъ патріарховъ Порфірія, Александра и Θεодосія, имѣющая важное значеніе для соображеній о жизни Θεодорита, б) что диспутантъ неправильно опредѣляетъ возрастъ Θεодорита во время посѣщенія имъ близъ Антиохіи подвижника Зинона и самое время этого посѣщенія. Разобравъ свидѣтельство Θεодорита и толкованіе его авторомъ, оппонентъ не счелъ возможнымъ согласиться съ этимъ толкованіемъ и указалъ на тѣ несообразности, которыя оказываются неизбежными при признаніи тѣхъ хроно-

логическихъ данныхъ, какія старается утвердить авторъ въ своей книгѣ. 2) Приведя рядъ фактовъ изъ жизни Акакія Верійскаго, характеризующихъ его далеко не съ хорошей стороны, пр. Лебедевъ замѣтилъ диспутанту, что онъ не правъ, вполне довѣряя въ своей характеристикѣ Акакія пристрастнымъ отзывамъ Оеодорита и потому изображая его „знаменитымъ подвижникомъ, мужемъ славнымъ и мудрымъ“. 3) Оппонентъ подробно разобралъ воззрѣнія диспутанта на отношенія Оеодорита къ Халкидонскому собору и собора къ Оеодориту. Въ этомъ случаѣ онъ указалъ а) что нельзя согласиться съ утвержденіемъ автора, будто-бы соборъ сперва призналъ Оеодорита просто епископомъ, а потомъ уже впоследствии и епископомъ Кирскимъ, при чемъ сослался на списки членовъ собора за 2-е, 4-е и 6-е засѣданія и собственноручныя подписи Оеодорита, гдѣ онъ всюду именуется епископомъ Кирскимъ. б) Онъ упрекнулъ диспутанта за его стремленіе унижать нѣкоторыхъ видныхъ дѣятелей собора для того, чтобы особенно возвысить значеніе въ этомъ случаѣ Оеодорита. Въ частности онъ остановился на личности архидіакона Аэція и защищалъ его ученость и значеніе на соборѣ противъ тѣхъ нападокъ, какія дѣлалъ на него авторъ книги, старавшійся унижить его въ пользу Оеодорита. в) Наконецъ оппонентъ замѣтилъ, что въ книгѣ Г. Глубоковскаго не доказано то положеніе, что будто-бы на Халкидонскомъ соборѣ Оеодоритъ принялъ и одобрилъ „главы Кирилла съ анаематизмами“.

На диспутѣ Г. Скворцова, 9-го мая, по поводу диссертации его „Преподобный Діонисій Зобининскій, архимандритъ Троицкаго Сергіева монастыря“, проф. Е. Е. Голубинскій, 1) по поводу утвержденія диспутанта, что виновниками разностей въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ были не особенно способные къ дѣлу переводчики, малограмотные переписчики и люди заинтересованные въ намѣренной порчѣ книгъ, замѣтилъ, что въ книгахъ этихъ были, кромѣ разностей текста молитвъ и пѣнопѣній, разности состава службъ и чинопослѣдовацій и виновниками этой второй категоріи разностей указанныя авторомъ лица считать нельзя. 2) О переводчикахъ богослужебныхъ книгъ авторъ говорилъ, что это были или Греки, мало знакомые съ славянскимъ языкомъ, или Русскіе, съ трудомъ достигавшіе эллинской

мудрости. Оппонентъ указаль, что а) Русскіе заимствовали готовые переводы отъ болгаръ и сербовъ; б) а отзывъ о нашихъ переводчикахъ, идущій отъ Максима Грека, несправедливъ. 3) Оппонентъ не согласился съ мнѣніемъ, что будто-бы исправленіе книгъ сильно тормозилось издавна жившимъ на Руси взглядомъ на букву, какъ на нѣчто неприкосновенное. Этотъ взглядъ онъ призналь, при тогдашнихъ условіяхъ, вполне законнымъ и естественнымъ и указаль, что сами исправители — Діонисій съ товарищами держались его. 4) Не соглашаясь съ мыслию автора, что инициатива исправленія требника принадлежала Діонисию съ товарищами, оппонентъ подробно развилъ мнѣніе, что эту инициативу должно приписать тому, кто затѣяль печатаніе требника, т. е. вѣроятнѣе всего Іонѣ, митр. Сарскому. 5) По вопросу о причинахъ осужденія преп. Діонисія и его товарищей, оппонентъ подробно доказываль, что въ этомъ случаѣ всего болѣе имѣла значенія личная вражда къ Діонисию митрополита Іоны.

Второй оппонентъ Г. Скворцова, проф. В. О. Ключевскій, 1) въ бесѣдѣ о церковной дѣятельности Діонисія указаль диспутанту на значеніе оппозиціи, какою Московское духовенство встрѣтило работу Діонисія по исправленію богослужебныхъ книгъ. По мнѣнію оппонента, авторъ не достаточно разъяснилъ источникъ этой оппозиціи, — не показаль, выходила-ли она изъ слѣпой привязанности самихъ ея вождей къ буквѣ заученнаго текста, или изъ ихъ боязни измѣненіемъ этой буквы смутить совѣсть простодушной паствы. — 2) Дальнѣйшія замѣчанія проф. Ключевского сосредоточивались главнымъ образомъ на дѣятельности Діонисія, какъ настоятеля Троицкаго монастыря. Приступая къ описанію этой дѣятельности, авторъ не изобразилъ хозяйственнаго состоянія монастыря, бывшаго однимъ изъ самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ древней Руси. Онъ набралъ очень много подробностей относительно землевладѣнія Троицкаго монастыря, но изложилъ ихъ въ сыромъ видѣ, безъ надлежащихъ поясненій и даже безъ достаточно точной ихъ группировки. Хотя самъ авторъ обѣщаль отнестись „съ большимъ вниманіемъ и расположеніемъ“ къ дѣятельности Діонисія по управленію Троицкимъ монастыремъ, однако онъ мало воспользовался для этого богатымъ собраніемъ

хозяйственныхъ грамотъ, хранящимся въ монастырскомъ архивѣ.

На диспутѣ Г. Жданова, 4-го іюня, по поводу диссертации его „Откровеніе Господа о семи азійскихъ церквахъ“, ректоръ академіи архим. Антоній въ особенности указалъ диспутанту на то, что 1) онъ не въ достаточной мѣрѣ воспользовался нѣкоторыми изъ древнихъ церковныхъ толкователей Апокалипсиса, а именно Примазіемъ, Викторомъ Пиктавійскимъ и Амвросіастомъ, и потому оставилъ безъ должнаго вниманія даже такія экзегетическія соображенія на нѣкоторые стихи свящ. книги, которыя единодушно раздѣляются всѣми названными писателями, равно какъ и Андреемъ и Аревою, цитруемыми авторомъ. Эти соображенія всѣ вмѣстѣ носятъ на себѣ характеръ нѣкотораго единства, особенно при истолкованіи первой главы Откровенія, гдѣ описывается явленіе Господа Іоанну. Символы, коими окружилъ себя явившійся, магистрантъ объясняетъ догматически и метафизически: между тѣмъ, по толкованію означенныхъ писателей и по требованію библейскаго параллелизма, ихъ слѣдуетъ объяснять какъ свойства христіанства, христіанской жизни въ ея борьбѣ съ міромъ. 2) Оппонентъ напомнилъ далѣе диспутанту, что церковные писатели, занимавшіеся Апокалипсисомъ, почти единогласно признаютъ характеристику семи церквей типическою, обозначающею тѣ религіозно-нравственныя состоянія новообращенныхъ, о которыхъ писали и Апостолы въ своихъ посланіяхъ; а потому не столько историко-географическія, сколько религіозно-психологическія даныя помогли-бы автору при объясненіи обличительныхъ обращеній Апостола къ каждой церкви: одна церковь испытывала обычный послѣ перваго религіознаго пыла индифферентизмъ, другая — также весьма типическій мистицизмъ и т. д.

Второй оппонентъ Г. Жданова, доцентъ М. Д. Муретовъ, 1) замѣтилъ диспутанту, что было-бы далеко не излишнимъ дѣломъ изучить печатные и рукописные варианты славянскаго и русскаго текстовъ, такъ какъ авторъ нашелъ-бы такія чтенія, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ представленнымъ имъ исправленіямъ такъ называемаго „принятаго текста“. 2) Спеціальное изученіе письменныхъ памятниковъ, лежащихъ въ ближайшей къ апокалипсису и ему наиболѣе

сродной исторической плоскости могло-бы дать автору весьма важный и любопытный экзегетическій матеріалъ: напр. для объясненія мѣстъ апокалипсиса I, 7 и III, 15 — посланія Климента, Игнатія и пастырѣ Ермы. — 3) Оппонентъ замѣтилъ далѣе, что при объясненіи избраннаго отдѣла Апокалипсиса авторъ напрасно игнорировалъ новѣйшія гипотезы, особенно Спитты, что Апокалипсисъ не есть твореніе одного писателя. Хотя эти гипотезы крайне произвольны и легкомысленны, но, безъ предварительнаго опроверженія ихъ и доказательства цѣлостности Апокалипсиса, православный экзегетъ не имѣетъ научнаго права пользоваться въ своихъ изслѣдованіяхъ Апокалипсисомъ, какъ твореніемъ одного писателя, особенно при опредѣленіи смысла терминовъ, встрѣчающихся въ разныхъ его отдѣлахъ. 4) Съ особенною подробностію оппонентъ остановился на терминѣ „Ангелы церквей“. Находя невозможнымъ разумѣть подъ нимъ олицетвореніе общаго духа церквей и считая не доказаннымъ такое словоупотребленіе въ Библии и древне-іудейскихъ памятникахъ, онъ утверждалъ, что это или Ангелы-хранители церквей, или-же епископы, присланные къ тайнописателю на Патмосъ отъ семи азійскихъ церквей.

На диспутѣ Г. Бѣлокурова, 27-го октября, по поводу его диссертациі „Арсеній Сухановъ“, профессоръ Е. Е. Голубинскій послѣ замѣчанія относительно излишней строгости, съ которою диспутантъ относится къ своимъ предшественникамъ въ изслѣдованіи избраннаго имъ предмета, указалъ во 1) на то, что, признавая происхожденіе рукописи, написанной дьячкомъ Онтонкою Путилинымъ отъ Арсенія Суханова, онъ слишкомъ положительно и увѣренно ссылается на палеографію, данными которой можно будто-бы рѣшительно удостовѣрить, что рукопись написана въ первой, а не второй половинѣ XVII-го вѣка. 2) Разобравъ показаніе, данное Сухановымъ въ Таркахъ шамхалу, гдѣ онъ выдаетъ себя за уроженца Москвы, но жителя Іерусалима, оппонентъ не считъ возможнымъ признать это показаніе, какъ дѣлаетъ авторъ, вполне недостовѣрнымъ. 3) Не соглашаясь съ предположеніемъ диспутанта по вопросу о томъ, почему Сухановъ возымѣлъ желаніе узнать латинскій алфавитъ, оппонентъ доказывалъ, что гораздо вѣроятнѣе поставить это въ связь съ пребываніемъ его въ Малороссіи и

знакомствомъ съ польскимъ языкомъ. 4) Относительно знанія Сухановымъ греческаго языка оппонентъ выяснилъ, что такое знаніе онъ всего удобнѣе могъ приобрѣсти на востокѣ. 5) Наконецъ, пр. Голубинскій указалъ диспутанту на тѣ несообразности и противорѣчія, какія выступаютъ въ его книгѣ по поводу увѣренія, что русскіе смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ, какъ на утратившихъ чистоту своего православія. — Второй оппонентъ Г. Бѣлокурова, пр. Н. О. Каптеревъ 1) на основаніи приходорасходныхъ записей печатнаго двора показалъ, что Арсеній оставилъ должность келаря у Троицы не послѣ 28 февр. 1660 г., какъ утверждаетъ авторъ, а ранѣе этого времени. 2) Выяснивъ нѣкоторыя несообразности, неизбѣжныя при утвержденіи автора, что Арсеній былъ завѣдующимъ печатнымъ дворомъ, оппонентъ доказывалъ, что онъ занималъ не эту должность, а служилъ въ приказѣ книгопечатныхъ дѣлъ, вѣроятно въ качествѣ суднаго старца“. 3) По поводу увѣренія автора, что въ Москвѣ въ половинѣ XVII в. появилось „новое мнѣніе“, что греческая церковь все сохранила у себя неизмѣнно, оппонентъ, на основаніи нѣсколькихъ свидѣтельствъ, доказывалъ, что такое мнѣніе совсѣмъ не было для Москвы повымъ, не считая возможнымъ согласиться съ диспутантомъ и въ томъ, что это мнѣніе впервые было заявлено русскому обществу образовавшимся въ концѣ первой половины XVII столѣтія, или точнѣе съ первыхъ лѣтъ царствованія Алексея, особымъ кружкомъ лицъ, интересовавшихся церковными дѣлами. 4) Авторъ въ своей книгѣ утверждаетъ, что цѣль посольства Суханова на востокъ состояла въ томъ, чтобы порѣшить поднятый „книгою о вѣрѣ“ вопросъ о благочестіи грековъ. По поводу этого утвержденія, оппонентъ подробно развивалъ и доказывалъ ту мысль, что посольство Суханова на востокъ не имѣло никакой связи съ книгою о вѣрѣ и что онъ посланъ былъ съ иною цѣлю, ничего собственно общаго не имѣющею съ вопросомъ о благочестіи Грековъ.

Въ качествѣ частнаго оппонента сдѣлалъ магистранту нѣсколько замѣчаній проф. Н. П. Субботинъ. Между прочимъ онъ указалъ на неправильность его увѣренія, что будто-бы задача „сказанія“, написаннаго Павломъ Бѣлокриницкимъ состояла въ томъ, чтобы доказать православіе

современной греческой церкви. Такой задачи у Павла быть не могло, ибо зачѣмъ-же раскольники стали-бы отдѣляться отъ восточной церкви, если считали ее православною, и зачѣмъ-бы стали они принимать Амвросія, какъ еретика, по второму чину? Павелъ поставлялъ своею задачей доказать не православіе греческой церкви, а только существованіе въ ней трехпогружательнаго крещенія.

На диспутѣ Г. Голубцова, 25-го ноября, по поводу его диссертациі. „Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ королевича Вальдемара и царевны Припы Михайловны“, проф. Е. Е. Голубицкій во 1) не считъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ автора, что въ нашей церкви до 20-хъ годовъ XVII столѣтія католиковъ присоединяли или чрезъ миропомазаніе или чрезъ крещеніе, при чемъ въ первое время не преобладалъ тотъ или другой способъ принятія... а за тѣмъ... чаще стали перекрещивать, чѣмъ миропомазывать. Ссылаясь на свидѣтельства, оппонентъ доказывалъ, что относительно позднѣйшаго времени слѣдуетъ признать то, что латинянь не „чаще“ только, а „непремѣнно“ перекрещивали. Повидимому противорѣчащее этому свидѣтельство Маржерета нужно, по мнѣнію оппонента, понимать не такъ, какъ понимаетъ и объясняетъ его въ своей книгѣ диспутантъ, т. е. не въ томъ смыслѣ, что католиковъ присоединяли безъ перекрещиванія, а въ томъ, что ихъ не принуждали присоединяться къ православію. 2) Оппонентъ высказалъ сомнѣніе въ справедливости сдѣланнаго авторомъ предположенія, что западно-русская или литовская книжка „О образѣхъ“ переведена была на русскій языкъ протопопомъ Стефаномъ Вонифатьевымъ, духовникомъ царя Алексѣя Михайловича. Основаніе, заимствованное авторомъ для подтвержденія своего предположенія изъ виршеваго предисловія, оппонентъ находилъ недостаточнымъ. — Послѣ нѣсколькихъ частныхъ замѣчаній, проф. Голубицкій 3) не нашелъ возможнымъ согласиться съ тѣмъ заключеніемъ, которое дѣластъ авторъ о значеніи преній для москвичей. Диспутантъ въ своей книгѣ пишетъ: „не сторониться грековъ и кіевлянъ, не преслѣдовать ихъ книги, какъ еретическія, слѣдуетъ теперь московскимъ русскимъ, а учиться у первыхъ и изучать послѣднія — таковъ былъ выводъ, слѣдовавшій изъ всего хода преній“. По этому поводу он-

понентъ замѣтилъ: сознать, что греки и кievляне учены, нисколько не значило сознать, что они православны.

Второй оппонентъ Г. Голубцова, профессоръ В. О. Ключевскій, 1) замѣтилъ диспутанту, что онъ напрасно сопоставилъ затрудненія, съ какими соединились: женитьба царя или царевича на русской подданной и выходъ царицы замужъ за русскаго — подданнаго ея отца. Въ первомъ случаѣ затрудненіе устранялось „обрядомъ нареченія невѣсты въ царицы“, а во второмъ царицѣ пришлось бы стать женою „холопа“, какъ звались всѣ бояре и другіе служилые люди по отношенію къ царю. — 2) Оппонентъ подробно развивалъ ту мысль, что оживленіе антипротестантской полемики въ началѣ сороковыхъ годовъ семнадцатаго вѣка не имѣло своимъ исключительнымъ источникомъ дѣло королевича Вальдемара, которое было для него лишь мѣстнымъ поводомъ, а возбуждалось еще борьбою съ протестантизмомъ, шедшей тогда какъ въ юго-западной Руси, учеными силами которой питалось московское полемическое богословіе, такъ и въ Византіи, усилія которой (напр. мнѣнія Мелетія Сириги) отражались и на московской антипротестантской полемикѣ.

Защита всѣхъ указанныхъ нами лицъ признана совѣтомъ удовлетворительною и ходатайства объ удостоеніи ихъ ученой степени магистра богословія св. Синодомъ уважены.

Для возможно полной характеристики научной дѣятельности московской академіи упомянемъ еще о нѣкоторыхъ, болѣе или менѣе интересныхъ событіяхъ, имѣвшихъ въ ней мѣсто въ истекшемъ году. — Въ концѣ марта, проф. Г. А. Воскресенскій ходатайствовалъ предъ совѣтомъ о томъ, чтобы ему оказано было содѣйствіе въ одномъ предпріятіи, имѣющемъ весьма важное научное значеніе. Издавна занимаясь изслѣдованіемъ древне-славянскаго текста Апостола и Евангелія, проф. Воскресенскій еще въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, во время своихъ путешествій по Россіи и Славянскимъ странамъ, заготовилъ полные и палеографически-точные списки важнѣйшихъ славянскихъ рукописей XII—XIV в., содержащихъ пять первыхъ посланій св. Ап. Павла, и рукописей Евангелія XI—XV в. Если бы было сдѣлано изданіе славянскаго текста Апостола и Евангелія по основнымъ спискамъ для каждой редакціи

съ разночтеніями изъ остальныхъ списковъ тѣхъ-же редакцій, то такое изданіе представило-бы вѣрную и полную картину исторіи рукописнаго славянскаго текста и съ пользою могло-бы употребляться при преподаваніи свящ. Писанія Новаго Завѣта въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, а равно въ борьбѣ съ расколомъ. Не имѣя собственныхъ средствъ на изданіе Евангелія и Апостола (первыхъ пяти посланій св. Ап. Павла) по выработанному имъ плану, а также и своего изслѣдованія о судьбахъ славянскаго евангельскаго текста, проф. Воскресенскій просилъ совѣтъ академіи ходатайствовать предъ св. Синодомъ о возможномъ матеріальномъ содѣйствіи его предпріятію. Совѣтъ, конечно, сочувственно отнесся къ предложенному проф. Воскресенскимъ труду и, по его ходатайству, св. Синодъ разрѣшилъ Московской Синодальной типографіи безмездно выполнить это изданіе въ количествѣ 1,200 экземпляровъ съ тѣмъ, чтобы 200 экземпляровъ поступило въ распоряженіе типографіи. Въ настоящее время проф. Воскресенскій уже приступилъ къ предварительнымъ работамъ по осуществленію своего плана.

Въ началѣ іюня совѣтъ академіи рѣшилъ обратиться къ св. Синоду съ другимъ ходатайствомъ, также научнаго свойства. Доцентъ академіи по кафедрѣ исторіи философіи А. И. Введенскій находилъ для себя весьма потребнымъ и желательнымъ, какъ въ интересахъ академическаго преподаванія, такъ и для дальнѣйшей разработки предмета его специальныхъ занятій — вопроса о происхожденіи вѣры, непосредственно познакомиться съ постановкой преподаванія исторіи философіи въ заграничныхъ, особенно Германскихъ, университетахъ и прослушать тамъ нѣсколько курсовъ сравнительной міеологіи и сравнительной исторіи религій. Встрѣтивъ сочувственно его желаніе, совѣтъ академіи ходатайствовалъ предъ св. Синодомъ, который и разрѣшилъ доц. Введенскому годичный отпускъ за границу съ дополнительнымъ пособіемъ въ размѣрѣ 600 рублей. Въ настоящее время Г. Введенскій слушаетъ курсы въ Берлинскомъ университетѣ.

Пребываніе Московской академіи въ маленькомъ посадѣ ставитъ ея ученыхъ дѣятелей въ особенныя условія, сравнительно съ служащими въ другихъ академіяхъ, по отно-

шенію къ служебнымъ и матеріальнымъ преимуществамъ и приобрѣтеніямъ. За весьма немногими исключеніями *), все, что приобрѣтается профессорами академіи, приобрѣтается ими только отъ академіи и отъ ихъ научно-литературныхъ занятій. При такихъ условіяхъ, академическая корпорація съ особенною признательностію чтитъ память Московскихъ митрополитовъ Филарета и Макарія и епископа Курскаго Михаила, позаботившихся дать нѣкоторое поощреніе научнымъ трудамъ дѣятелей академіи. Съ капитала, пожертвованнаго Высокопр. митрополитомъ Филаретомъ, проценты въ размѣрѣ 622 рублей ежегодно присуждаются въ качествѣ поощрительной преміи достойному изъ профессоровъ въ порядкѣ старшинства ихъ академической службы. Въ минувшемъ году правленіе академіи присудило эту премію лектору В. П. Лучинину. Изъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго Высокопр. митрополитомъ Макаріемъ, и еп. Михаиломъ, совѣтъ академіи, въ мартѣ каждаго года, присуждаетъ преміи за лучшіе изъ печатныхъ трудовъ профессоровъ, вышедшіе въ предшествовавшемъ году, а также и за лучшія изъ магистерскихъ диссертаций. При послѣднемъ присужденіи преміи эти выданы были: проф. А. П. Лебедеву (500 р.) за сочиненія „Греческіе церковные историки IV, V и VI вѣковъ“ и „Очерки Византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка“, доц. М. Д. Муретову (500 р.) за сочиненіе „Ветхозавѣтный храмъ“; проф. П. Н. Корсунскому (475 р.) за сочиненіе „Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи“; доц. А. Д. Бѣляеву (237 р. 50 к.) за сочиненіе „О покоѣ воскреснаго дня“, и доц. А. П. Шостыну (285 р.) за магистерскую диссертацию. „Источники и предметъ догматики по воззрѣніямъ католическихъ богослововъ послѣдняго полустолѣтія“. — Что-же касается официальныхъ служебныхъ поощреній, то въ минувшемъ году никакихъ наградъ кому-либо изъ служащихъ въ академіи не воспослѣдовало.

Почти въ самомъ началѣ каждаго новаго учебнаго года итоги академической жизни за годъ истекшій, по устано-

*) Градскій голова посада, профессоръ Моск. университета и приходскій священникъ города Москвы.

вившемуся съ давнихъ временъ обычаю, обнаруживаются во всеобщее свѣдѣніе на торжественномъ актѣ. Днемъ актовaго собранія неизмѣнно бываетъ 1-е число октября— день открытія Московской академіи и храмоваго праздника академической церкви. Въ минувшемъ году всенощное бдѣніе наканунѣ праздника совершенно было преосв. Виссаріономъ, епископомъ Дмитровскимъ въ сослуженіи ректора академіи архим. Антонія, инспектора архим. Петра, академическаго духовенства и протодіакона московскаго храма Христа-Спасителя С. Н. Сокольскаго, при стройномъ пѣніи студенческихъ хоровъ. На каѳизмахъ среди храма совершенно было, по обычаю, чтеніе акаѳиста Покрову Пресвятыя Богородицы. Въ самый день праздника преосв. Виссаріонъ, въ сослуженіи тѣхъ-же лицъ, совершилъ божественную литургію, въ концѣ которой имъ произнесено было слово о необходимости сердечнаго проникновенія христіанскими истинами. Послѣ литургіи Преосвященный въ мантіи и съ жезломъ прослѣдовалъ въ студенческую столовую при пѣніи тропаря и благословилъ трапезу. Въ 12¹/₂ час. въ актовомъ залѣ академіи состоялось торжественное собраніе. Нужно впрочемъ замѣтить, что громкій эпитетъ „торжественное“ не особенно подходитъ къ актовому собранію Московской академіи; оно не блеститъ ни расшитыми золотомъ мундирами, ни звѣздами, ни лентами и не поражаетъ посѣтителя особеннымъ многолюдствомъ собравшейся публики. Благодаря удаленному отъ столицы положенію академіи, московская аристократія едва-ли даже и вѣдастъ объ академическомъ актѣ; а духовенство Москвы, хотя состоящее, въ лицѣ протоіереевъ и священниковъ, почти всецѣло изъ бывшихъ воспитанниковъ академіи, мало имѣетъ возможности предпринять на этотъ день поѣздку въ посадъ, занятое праздничнымъ богослуженіемъ, а также крестнымъ ходомъ и торжествомъ въ Покровскомъ (Василія Блаженнаго) соборѣ. При такихъ условіяхъ академическій актъ имѣетъ всегда характеръ скромнаго, почти семейнаго торжества. Главный контингентъ его посѣтителей составляютъ свои-же студенты и профессора и служащіе съ ихъ семействами. Изъ посторонней публики его посѣщаютъ лишь преподаватели Виоанской семинаріи и мѣстной прогимназіи съ ихъ начальствомъ, нѣкоторые члены лаврской братіи и весьма

немногочисленные представители посадской интеллигенціи и администраціи. Въ минувшемъ году въ числѣ постороннихъ посѣтителей академическаго акта можно было, между прочимъ, замѣтить ректора Вианской семинаріи архим. Антонія, директора прогимназіи Н. И. Тихомирова, графа М. В. Толстаго, почетнаго блюстителя академіи Н. М. Федюкина, мѣстнаго полицеймстера А. А. Крыжова, жандармскаго начальника Н. В. Васильева и др. — Послѣ пѣнія „Царю небесный“, экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ новой гражданской исторіи В. А. Соколовымъ произнесена была рѣчь, имѣвшая своимъ предметомъ возможно-полную характеристику англійской королевы Елизаветы Тюдоръ. По окончаніи рѣчи студенческой хоръ исполнилъ концертъ Веделя „Боже, Боже мой, къ Тебѣ утреннюю“, послѣ котораго ректоромъ академіи провозглашено было постановленіе совѣта объ избраніи въ почетные члены академіи Высокопреосвященныхъ Архіепископовъ: Пикандра Тульскаго, Веніамина Иркутскаго и Θεогноста Владимірскаго, Преосвященныхъ Епископовъ: Августина Костромскаго и Амфилохія Угличскаго и настоятеля Московскаго Заиконоспасскаго монастыря архимандрита Арсенія. Затѣмъ секретаремъ совѣта, М. К. Казанскимъ, прочитанъ былъ отчетъ о состояніи академіи въ 1890—1891 учебномъ году и Преосвященнымъ Виссаріономъ розданы были лучшимъ студентамъ втораго и третьяго курсовъ назначенныя имъ отъ правленія академіи награды деньгами и книгами. Актъ закончился пѣніемъ гимна „Боже Царя храни“ и церковной пѣсни „Достойно есть“. — Послѣ акта академическая корпорація и ея гости съ Преосвящ. Виссаріономъ во главѣ, собрались въ квартирѣ о. ректора и заключили праздникъ обѣдомъ съ обычнымъ въ такихъ, почти товарищескихъ собраніяхъ, оживленнымъ обмѣномъ мыслей, тостами и благожеланіями. Изъ разныхъ городовъ Россіи получены были академіею въ этотъ день привѣтственные телеграммы отъ ея признательныхъ бывшихъ питомцевъ.

Не посѣщавшій академическаго акта и не знакомый близко съ Московскою академіею читатель вѣроятно не посѣтуется на насъ, если встрѣтитъ въ нашемъ обзорѣ краткія свѣдѣнія о состояніи этого учрежденія и ходѣ его обыденной жизни, имѣющія, какъ кажется, нѣкоторый интересъ. —

На всѣхъ четырехъ курсахъ академіи числится въ настоящее время болѣе 220-ти студентовъ, изъ которыхъ 120 содержатся на казенный счетъ, болѣе пятидесяти — на стипендіяхъ съ пожертвованныхъ академіи капиталовъ, или на счетъ Троице-Сергіевой лавры (16 чел.), и до пятидесяти человѣкъ, не пользующихся никакими стипендіями, вынуждены изыскивать себѣ какія-либо другія средства существованія. Великимъ благодѣтелемъ для послѣднихъ является учрежденное при академіи благотворительное „Братство Преподобнаго Сергія“. Это братство считаетъ теперь уже одиннадцать лѣтъ своего существованія. Мысль объ его учрежденіи впервые возникла въ средѣ профессоровъ академіи и ясно высказана была покойнымъ пресвящ. Епископомъ Курскимъ Михаиломъ, еще въ бытность его ректоромъ Московской академіи, на 25-лѣтнемъ юбилей профессорской службы В. Д. Кудрявцева, въ 1877 году. По составленіи и утвержденіи устава братства, въ 1880 году оно открыто было съ благословенія и въ личномъ присутствіи покойнаго Высокопр. Митрополита Макарія, который тогда-же пожертвовалъ на это благое дѣло 2,000 р. отъ себя и 1,000 р. изъ суммъ Московской казны. Въ настоящее время, благодаря неоскудѣвающему общественному сочувствію, братство имѣетъ уже въ своемъ запасномъ капиталѣ до тридцати девяти тысячъ рублей. Изъ процентныхъ суммъ съ этого капитала, а также изъ поступающихъ вновь членскихъ взносовъ и пожертвованій, оно ежегодно затрачиваетъ на свою благотворительную дѣятельность болѣе 5,000 рублей. Конечно, этой суммы далеко не достаточно для того, чтобы обезпечить полнымъ содержаніемъ (въ 220 р. въ годъ) всѣхъ тѣхъ студентовъ, которые не пользуются стипендіями и количество которыхъ, какъ сказано, простирается до 50-ти. Вслѣдствіе этого, братство вынуждено съ большою умѣренностію и осмотрительностію распредѣлять свою помощь, сообразуясь съ обстоятельствами и степенью недостаточности каждаго студента. Никого не оставляя безъ своей благотворительной поддержки, оно оказываетъ ее въ неодинаковыхъ размѣрахъ: нѣкоторыхъ нуждающихся оно обезпечиваетъ полнымъ содержаніемъ, а другимъ находитъ возможнымъ выдавать лишь очень не большія пособія, даже до 20-ти только рублей въ годъ. Можно надѣяться, что

общественное сочувствіе этому благому учрежденію не оскудѣетъ и дастъ ему со временемъ возможность развить свою дѣятельность въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

Для содѣйствія ученымъ и учебнымъ занятіямъ профессоръ и студентовъ Московская академія обладаетъ богатымъ средствомъ въ своей библіотекѣ. Это почтенное, пользующееся большою извѣстностію въ ученomъ мѣрѣ, книгохранилище насчитываетъ въ себѣ въ настоящее время до пятидесяти тысячъ названій и до 800 книгъ старопечатныхъ. Ежегодное приращеніе библіотеки обезпечивается ассигнуемой по штату суммой въ количествѣ 2,500 р., а также и пожертвованіями отъ разныхъ лицъ и учреждений. Въ минувшемъ году, наиболѣе крупнымъ пожертвованіемъ можно назвать библіотеку покойнаго почетнаго члена Моск. академіи протоіерея П. И. Капустина, поступившую въ собственность академіи, въ количествѣ болѣе 220-ти названій и 400 томовъ. — При академической библіотекѣ существовалъ доселѣ церковно-археологическій музей, начало которому положено въ 1871 г., по ходатайству покойнаго ректора академіи, протоіерея А. В. Горскаго. Въ составъ этого музея входятъ главнымъ образомъ старинныя иконы (70 экз.) XVIII и XVII в. и монеты и медали, русскія и иностранныя, арабскія и турецкія, XIV, XV и позднѣйшихъ вѣковъ. Въ настоящее время для музея приготовлено особое помѣщеніе, куда въ самомъ ближайшемъ будущемъ опъ и будетъ переведенъ съ составленіемъ подробнаго описанія и приведеніемъ въ надлежащую систему, подъ наблюденіемъ особаго, вновь назначеннаго хранителя, въ лицѣ доцента по кафедрѣ церковной археологіи и литургики, А. П. Голубцова.

Оглядываясь на минувшій годъ академической жизни, мы не можемъ удержаться, чтобы не сообщить еще читателю объ одномъ явленіи, правда не крупномъ и не быющемъ въ глаза, но тѣмъ не менѣе такомъ, которое можетъ быть встрѣчено и встрѣчается лишь съ полнымъ сочувствіемъ и признательностію. Въ этомъ году, по мысли и почину отца ректора, Московская академія, въ лицѣ небольшого студенческаго кружка, нашла возможность и досугъ послужить хотя нѣсколько дѣлу непосредственнаго религіозно-правственнаго просвѣщенія мѣстнаго посадскаго населенія. Съ 10-го

числа марта въ академической церкви открылись воскресныя внѣбогослужебныя бесѣды и съ той поры непрерывно велись во все продолженіе года, не исключая и лѣтняго вакаціоннаго времени. О. Ректоръ академіи принималъ въ этомъ дѣлѣ самое горячее участіе; онъ открылъ эти бесѣды; онъ направлялъ и руководилъ своихъ юныхъ и недостаточно опытныхъ сотрудниковъ и, кромѣ того, лично принималъ на себя трудъ вести бесѣду болѣе двѣнадцати разъ въ разное время года. Кружокъ бесѣдователей состоялъ, кромѣ о. Ректора, изъ одиннадцати студентовъ, главнымъ образомъ имѣющихъ священныи санъ. Предметомъ бесѣды, начинавшейся обыкновенно въ три часа пополудни, служило всегда, лишь за очень не многими исключеніями, изъясненіе апостольскихъ и евангельскихъ чтеній и, кромѣ того, всѣмъ присутствовавшимъ раздавались троицкіе листки. Посадскіе жители и отчасти приходище въ лавру богомольцы, конечно, съ признательностію встрѣтили благое дѣло, яснымъ свидѣтельствомъ чему служить постоянно возрастающее число собирающихся на бесѣду слушателей. Начавшись съ немногихъ десятковъ, число это въ настоящее время доходитъ обыкновенно почти до 400 человекъ.

Въ послѣдніе мѣсяцы минувшаго года Моековской академіи пришлось пережить событія, возбужшія въ ней чувства и радости и глубокой скорби. — Почти сорокъ лѣтъ*) при Московской академіи издавался журналъ подъ названіемъ: „Творенія Святыхъ отцевъ въ русскомъ переводѣ“ съ прибавленіемъ духовнаго содержанія. Это изданіе имѣло за собою славное прошлое; на его страницахъ появились переводы твореній св. Григорія Богослова, Василія Великаго, Ефрема Сирина, Аѳанасія Александрійскаго, Кирилла Иерусалимскаго, Макарія Египетскаго, Пила Синайскаго, Исидора Пелусіота, Исаака Сирина, Иоанна Лѣствичника, блажен. Θεодорита, св. Григорія Писскаго, Елифанія Кипрскаго и Кирилла Александрійскаго, которые въ отдѣльныхъ изданіяхъ всегда имѣли и доселѣ имѣютъ широкое распространеніе въ средѣ любителей духовнаго просвѣщенія. И въ настоящее время

*) Изданіе началось съ 1843-го года, но два раза прекращалось и возобновлялось снова, такъ что всѣхъ лѣтъ его дѣйствительнаго существованія насчитывается 37.

ежегодно около полуторы тысячи томовъ отеческихъ твореній расходятся по Россіи. На страницахъ прибавленій академическаго журнала печатались ученые труды профессоровъ, по преимуществу богословскаго и церковно-историческаго содержанія. Въ такомъ видѣ академическое изданіе имѣло спеціальнѣйшій почти исключительно научный характеръ и, появляясь только четыре раза въ годъ, могло быть названо скорѣе не журналомъ, а ученымъ сборникомъ. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ оно далеко не всегда могло рассчитывать на широкій кругъ читателей и имѣло возможность поддерживать свое существованіе, особенно въ послѣднее время, когда наиболѣе важныя изъ отеческихъ твореній были уже переведены, лишь благодаря ежегодной субсидіи, выдававшейся ему изъ суммъ Московской каѳедры. Съ прекращеніемъ субсидіи продолженіе академическаго изданія въ прежнемъ видѣ признано было невозможнымъ и въ минувшемъ году въ средѣ профессоровъ возникла мысль о томъ, чтобы поставить это изданіе въ иныя условія и придать ему новую форму. Много разъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ профессорская корпорація собиралась въ квартирѣ о. ректора для обсужденія вопроса о предположенномъ новомъ изданіи и, выработавъ его программу, рѣшивъ сдѣлать его ежемѣсячнымъ журналомъ, возможно-болѣе приспособленнымъ къ современнымъ религіознымъ интересамъ и потребностямъ общества, возбудила чрезъ благожелательное посредство Владыки-Митрополита предъ высшею властію ходатайство о разрѣшеніи новаго изданія подъ именемъ „Богословскаго Вѣстника“ и подъ редакціей проф. П. И. Горскаго-Платонова. Въ началѣ ноября получено было желаемое правительственное разрѣшеніе и въ праздничный день 8-го числа академическая семья скромно торжествовала открытіе своего новаго предпріятія. Въ академической церкви послѣ божественной литургіи совершено было благодарственное молебствіе, предъ началомъ котораго о. ректоръ обратился къ собравшимся съ словомъ*), выясняя въ немъ высокія задачи, предлежащія сотрудникамъ начинаемаго дѣла. Въ состоявшемся затѣмъ собраніи, за дружеской трапезой, шла опять оживленная бесѣда о раз-

*) Слово это помѣщается выше.

ныхъ сторонахъ задуманнаго предпріятія. На этомъ собраніи профессоръ-редакторъ, П. П. Горскій-Платоновъ, обратился, между прочимъ, къ присутствовавшимъ съ рѣчью, въ которой говорилъ приблизительно слѣдующее: „Давно и много лѣтъ я принадлежалъ къ числу лицъ, которыя держались того воззрѣнія, что для оживленія нашего академическаго журнала необходимо сдѣлать его ежемѣсячнымъ и болѣе приспособленнымъ къ современной жизни. Въ эти многіе годы, конечно, я не разъ задавался вопросомъ о томъ, удобно-ли то или другое время для такой реформы. Само собою разумѣется, что на этотъ вопросъ иногда мнѣ приходилось давать себѣ утвердительный, а иногда и отрицательный отвѣтъ. Съ тѣмъ-же вопросомъ я встрѣчаюсь и теперь“. Указавъ далѣе на нѣкоторыя, повидимому, неблагопріятныя для нашего журнала современныя условія, особенно-же съ точки зрѣнія настоящихъ тяжелыхъ матеріальныхъ условій русскаго общества и положенія печатнаго слова, — ораторъ упомянулъ и о нѣкоторыхъ условіяхъ общественной жизни и въ заключеніе выразилъ надежду, что препятствія не окажутся невыносимо-тяжелыми и непреоборимыми.

Въ концѣ ноября разнеслась повсюду вѣсть о Высочайшемъ назначеніи Высокопреосвященнаго Іоаннікія, митрополита Московскаго и Коломенскаго, на кафедру Кіевской митрополіи. Эта вѣсть произвела сильное впечатлѣніе и въ Московской академіи, которая, въ лицѣ Высокопр. митрополита, имѣла своего ближайшаго пачальника и много разъ встрѣчала его въ своихъ стѣнахъ. И въ минувшемъ году, еще такъ недавно, 27-го и 28-го сентября, Архипастырь, пріѣзжая въ лавру на день празднованія памяти Преподобнаго Сергія, посѣтилъ, по обычаю, и свою академію, прослушавъ въ ея аудиторіяхъ нѣсколько лекцій по предметамъ: Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта, Русской церковной исторіи, психологіи и пастырскаго богословія. Два мѣсяца спустя его новое посѣщеніе Московской академіи уже оказалось прощальнымъ. — Третьяго числа декабря, въ 11 часовъ утра, въ академической церкви собрались всѣ профессора, служащіе и студенты академіи, чтобы проститься и получить благословеніе отъ своего бывшаго Архипастыря. Встрѣченный у подъѣзда начальствомъ и духовенствомъ ака-

деміи, Владыка-митрополитъ, при нѣии студенческаго хора, вошелъ въ церковь и, стоя у престола, выслушалъ краткое молитвословіе съ провозглашеніемъ многолѣтія. Когда Архипастырь вышелъ затѣмъ на амвоиъ и, приложившись ко кресту, обратился лицомъ къ собравшимся, о. ректоръ академіи прочиталъ адресъ, вложенный въ бархатную папку и подписанный всѣми членами академической корпораціи. Въ этомъ адресѣ написано: „Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Владыка, Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ! Корпорація Московской Духовной Академіи, разставаясь съ Вашимъ Высокопреосвященствомъ, своимъ мудрымъ руководителемъ и милостивымъ покровителемъ, растворяетъ скорбь тяжелой потери тѣми отрадными воспоминаніями, которыя она навсегда сохранитъ о своемъ доблестномъ архипастырѣ. Вы, Высокопреосвященнѣйшій Владыка, вливали намъ ревность къ ученымъ и педагогическимъ трудамъ, показывая постояннымъ примѣромъ своихъ безчисленныхъ благотвореній въ пользу духовныхъ школъ епархіи, какое высокое значеніе въ церковной жизни приписываете Вы процвѣтанію духовнаго просвѣщенія. Тому же самому поучали Вы насъ, когда съ глубокимъ вниманіемъ изволили прослушивать ежегодно по нѣскольку профессорскихъ лекцій и студенческихъ экзаменовъ, принимая самое искреннее и одушевленное участіе въ уясненіи богословскихъ истинъ. Ваши архипастырскія отношенія къ ввѣренной Вамъ академіи, всегда основывавшіяся на началахъ твердаго, неуклоннаго и неустрашимаго слѣдованія правдѣ Божіей, святительской любви, благоснисходительнаго участія въ нуждахъ учащихъ, служащихъ и учащихся, а равно Ваши благотворительныя вспомошествованія нашимъ изданіямъ святоотеческихъ твореній: все это показывало намъ, что христіанская истина и воля Божія, надъ уясненіемъ которыхъ мы трудимся, — составляютъ руководственное начало всего Вашего архипастырскаго служенія и то содержаніе Вашего святительскаго духа, которое обнаруживалось съ такою силой молитвеннаго вдохновенія на Вашихъ священнослуженіяхъ, назидавшихъ и улаждавшихъ не только нашу Академію, но и всю православную паству. Напечатлѣвая на своихъ сердцахъ Вашъ молитвенный обликъ, сыновне просимъ Васъ, святой Владыка, сохранить и Московскую

Академію въ молитвенной памяти Вашего Высокопреосвященства и преподать намъ святительское благословеніе“. — По прочтеніи адреса, о. ректоръ поднесъ Его Высокопреосвященству отъ академической корпораціи „Чиновникъ“ архіерейскаго священнослуженія въ бархатномъ переплетѣ, на лицевой сторонѣ котораго помѣщено серебряное чеканное изображеніе Покрова Пресв. Богородицы, а на задней — серебряный чеканной-же работы видъ Московской Духовной Академіи. Отъ студентовъ академіи также поднесень былъ Его Высокопреосвященству „Чиновникъ“ въ бархатномъ переплетѣ, причемъ студентъ Борисовскій отъ лица всѣхъ своихъ товарищей прочиталъ слѣдующее привѣтствіе: „Ваше Высокопреосвященство, милостивѣйшій Архипастырѣ и Отецъ! Студенты Московской Академіи, получивъ извѣстіе о переводѣ Вашего Высокопреосвященства на Кіевскую кафедру, не могутъ не выразить чувства искренней скорби по этому поводу. Въ лицѣ Вашемъ мы, студенты, теряемъ просвѣщеннаго и заботливаго архипастыря и начальника. Наша Академія имѣла счастье много разъ видѣть, какъ близки Вашему сердцу интересы питомцевъ ея, какъ много Вы, Ваше Высокопреосвященство, заботились о томъ, чтобы наша Академія стояла на высотѣ своего научнаго и общественнаго призванія и чтобы духъ всесторонней и глубокой образованности находилъ себѣ какъ можно болѣе мѣста въ ея стѣнахъ. Вашими заботами даны намъ многія и дѣйствительныя средства къ тому. Во время несправедливыхъ и неосновательныхъ нареканій на нашу Академію Вы, Ваше Высокопреосвященство, твердо стояли за яя доброе имя. Предоставляя намъ всѣ средства получить основательное и серьезное образованіе, Вы своею высокою архипастырскою дѣятельностію учили насъ тому, какъ въ жизни осуществлять великіе завѣты Христа о вѣчной правдѣ и любви. Твердость и стойкость въ своихъ убѣжденіяхъ, самоотверженное служеніе истинѣ, поставленіе правды и законности выше всего, — вотъ что завѣщали Вы намъ примѣромъ своей многолѣтней архипастырской дѣятельности. Разставаясь съ Вами, мы сохранимъ въ своихъ сердцахъ высокій образъ мужа правды и ревностнаго архипастыря церкви, а Васъ, Ваше Высокопреосвященство, просимъ не забывать насъ въ своихъ святительскихъ молитвахъ“.

Выслушавъ прочитанныя привѣтствія и благосклонно принявъ поднесенные ему прощальные дары, Владыка-Митрополитъ сказалъ, приблизительно, слѣдующее: „Благодарю корпорацію Академіи за принесенный мнѣ привѣтъ! Благодарю и Васъ, дѣти! Я могу назвать Васъ дѣтьми, потому что уже становлюсь старикомъ. — Я никогда и до нынѣшняго дня не былъ доброрѣчивъ, а въ особенности теперь, подъ вліяніемъ болѣзни, отъ которой и доселѣ не могу считать себя свободнымъ, а потому скажу кратко и ясно“.

„Я любилъ Академію и это, конечно, вполне естественно. Всегда особенно живы и памятны тѣ впечатлѣнія, которыя получены въ молодыхъ и юныхъ годахъ, а эти годы я самъ провелъ въ Академіи. Правда, потомъ мнѣ надолго пришлось уклониться совсѣмъ въ другую сферу дѣятельности: но когда я вступалъ на кафедру Московскую и пришелъ въ близкое, непосредственное соприкосновеніе съ здѣшней Академіей, мнѣ, прежде всего, припомнились тѣ четырнадцать лѣтъ, которыя я провелъ нѣкогда въ двухъ Академіяхъ“.

„Я любилъ Академію, хотя не много я сдѣлалъ для нея. Мнѣ слишкомъ часто и на долго приходилось сосредоточивать свое вниманіе на удовлетвореніи другихъ важныхъ и не терпѣвшихъ отлагательства нуждъ, а потому я невольно долженъ былъ удѣлять для академіи лишь не многое. Считаю не благовременнымъ упоминать о томъ, что сдѣлано было мною, въ предѣлахъ моей власти, для Московской и для другихъ академій. Можетъ быть, время разъяснить это, а, можетъ быть, и нѣтъ, и въ такомъ случаѣ нѣтъ нужды раскрывать завѣсу прошедшаго“.

„Благословеніе Господне да будетъ надъ вами на всѣхъ путяхъ вашей жизни! Я никогда не держался односторонности, никогда не хотѣлъ требовать, чтобы всѣ люди, воспитанные церковію, ей посвящали свои силы; но, гдѣ-бы вы ни были, не забывайте, что всѣмъ вы обязаны святой Церкви; на ея средства и подъ ея руководствомъ и отцы ваши и вы получили свое воспитаніе, ей-же обязаны и въ настоящемъ своемъ служеніи. Не платите-же ей за всѣ ея блага черною неблагодарностію, чтобы нельзя было сказать о васъ того-же, что сказано было нѣкогда св. Апостоломъ: „отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ“.

„На какихъ-бы путяхъ жизни вы ни были поставлены, благословеніе Господне да будетъ надъ вами!“

Затѣмъ Его Высокопреосвященство благословилъ всѣхъ профессоровъ, служащихъ и студентовъ Академіи не большими иконами Спасителя въ серебряныхъ-вызолоченныхъ ризахъ; окруженный толпою студентовъ, сказалъ имъ еще нѣсколько теплыхъ, отеческихъ словъ и вышелъ изъ церкви. На нѣсколько минутъ Владыка-Митрополитъ зашелъ въ квартиру о. ректора, побесѣдовалъ тамъ съ академической корпораціей и, еще разъ благословивъ всѣхъ профессоровъ и служащихъ, сопровождаемый и на лѣстницѣ пѣніемъ „исполла эти, деспота“, выбылъ изъ академіи. Вечеромъ этого дня профессора, служащіе и студенты академіи еще разъ простились съ Его Высокопреосвященствомъ, собравшись въ вокзалъ и на платформѣ и проводивъ его до дверей вагона съ пѣніемъ: „исполла эти деспота“.

На кафедрѣ Московской митрополіи вступилъ Высокопреосвященнѣйшій Леонтій — одинъ изъ заслуженнѣйшихъ іерарховъ русской церкви. Отнынѣ и Московская Духовная Академія поступаетъ подъ Его мудрое и просвѣщенное покровительство. На принесенное академіею по телеграфу привѣтствіе съ назначеніемъ на Московскую кафедру, Его Высокопреосвященство удостоилъ прислать на имя о. ректора слѣдующую телеграмму: *„Благодарю Васъ и корпорацію Духовной Академіи и Виванской семинаріи за привѣтствіе. Въ надеждѣ личнаго свиданія въ союзъ любви призываю на всѣхъ Божіе благословеніе“*. Милостивое вниманіе Архипастыря къ привѣтствію академической корпораціи служитъ для нея залогомъ, что и Московской Академіи новый Высокій покровитель будетъ являть ту-же любвеобильную попечительность, какую всегда и вездѣ находили въ немъ духовно-учебныя заведенія и ихъ дѣятели и питомцы.

Тяжелымъ воспоминаніемъ приходится намъ, къ сожалѣнію, заключать свой обзоръ. Годъ, такъ счастливо и радостно начавшійся для Московской Академіи, закончился въ ней глубокою скорбью. Къ вечеру третьяго декабря разнеслась по посаду печальная вѣсть о неожиданной кончинѣ самаго почтеннѣйшаго изъ членовъ академической корпораціи, — всѣми высоко-уважаемаго и пользовавшагося почетною на-

учною извѣстностію, заслуженнаго ординарнаго профессора по кафедрѣ метафизики и логики, Виктора Дмитріевича Кудрявцева-Платонова, почти сорокъ лѣтъ служившаго украшеніемъ Московской Академіи. Помѣщаемый ниже разсказъ дастъ читателю достаточное понятіе о размѣрахъ и значеніи этой тяжкой для Академіи потери. Вѣчная память прекрасному человѣку и достойнѣйшему христіанину-философу и дай Богъ, чтобы тяжкая утрата не была для Московской Академіи невознаградимою!

В. Соколовъ.
